

ИЗ ВСТРЕЧ С ГОРЬКИМ

Еще до официального знакомства с Алексеем Максимовичем, мне не раз случалось видеть его высокую, несколько сутловатую фигуру демократического вида — длинные волосы, мятая черная шляпа с широкими полями, старомодная криватка — на улицах Нижнего-Новгорода.

Познакомился я с ним на вечере у Баршевых, где часто собидалась за стаканом чая местная интеллигенция разных «оттенков», начиная от «светских-либерального» и кончая «самыми левыми». А. М. тут же представил мне сидевшего рядом с ним Скитальца:

— Познакомьтесь; Степан Петров.

На что Скиталец пробасил:

— Уже знакомы.

Действительно, со Скитальцем мне не раз уже приходилось встречаться в общих знакомых.

На баршевском вечере Горький, разумеется, был в центре всеобщего внимания. Удивительный собеседник и рассказчик, он покоял слушателей меткими характерными стихами (бое для кого убийственными), сверкающим юмором, замечательными общими суждениями, углубленными оценками вещей, людей и событий.

Когда хозяйка дома обратилась к нему с похвально-уверенным упреком:

— А ваш-то Ш. каков!

А. М. пожал плечами:

— Во-первых, почему он — «мой»? А во-вторых, что ж, жена, дети...

В пояснение нужно сказать: Ш. — нижегородский педагог, преподаватель физики в местной гимназии в течение долгих лет, очень неплохой лектор, собиравший на своих двойных выступлениях полную аудиторию, — пораил однажды всех знавших его необычайной метаморфозой. Из порядочного человека, — так называемого «важного» образа мысли, — из «друга Горького», каким он слыл среди нижегородцев, — он сразу, получив административный пост, превратился в тупого и свирепого «хранителя устоев». Достаточно

сказать, что повеломственные ему ученики, возмущенные вывешенными им правилами внутреннего распорядка, разбили стекло, изломали лампу и изорвали зловещие правила в клочки.

Лучшей реплики, чем это, произнесенное с убийственным сарказмом «жена, дети»... не могло быть для характеристики утратившего всякую моральную стойкость человека, равно как и для оценки тупого строя, отнявшего у него эту стойкость элементарно честного гражданина.

На заданный ему вопрос:

— А копа, А. М., напишете пьесу?

Горький убежденно ответил:

— Да, напишу пьесу.

(Это было, примерно, за год до постановки в Художественном театре «Мещан»).

На другой день я шел с двумя спутницами окольными улицами города и столкнулся лицом к лицу с А. М. Он шел от присяжного поверенного Ланина (бывшего своего патрона, у которого он одно время служил письмоводителем). Спутницы мои были хорошо знакомы с А. М., и я ему был представлен (вторично!). Решили его проводить. А. М. рассказал о вышедшей недавно книжке Фаресова «В одиночном заключении», в которой, между прочим, излагался принцип тюремной азбуки. (Чуть ли не на другой день я достал и прочел эту книжку — и не пожалел об этом, так как во время последовавших вскоре тюремных мытарств азбука для одиночек оказалась весьма ценным учебным пособием).

Во время нашей «уличной» беседы пришлось мне выслушать от А. М. небольшой урок по «критико-литературной» части. По повелу помещенной мной в «Нижегородском листке» унизительной заметки относительно вышедшей в каком-то весьма сомнительном издательстве брошюры «Граф Худой. — Понедельник» (халтурная, пошлая пародия на «Воскресение» Толстого) А. М., недовольно поморщившись, сказал:

— Не надо было делать этого. Таких вещей просто не замечают.

(Мне, разумеется, обидно было выслушать эту нотацию по поводу моего первого выступления в печати. Несколько

позднее я понял, что нотация мною вполне заслужена).

Когда мы проходили мимо какого-то одноэтажного домика, А. М. внимательно взглянул в освещенное окно.

— Что это! Великий писатель заглядывает в чужие окна! — шутливо возмущилась одна из спутниц.

— Грешный человек, люблю! — ответил Алексей Максимович серьезным тоном.

Нарушая, быть может, хронологическую последовательность событий, скажу о елке, устроенной (точнее — устраивавшейся два-три года назад), по инициативе и под непосредственным руководством А. М. для беднейших детей Нижнего-Новгорода. Об этом стоит вспомнить в связи с возродившимся у нас, — после периода не в меру усердного «левацкого» отрицания елки, — обычаем устраивать елку, но уже елку, «по-советски», — как веселый, радостный праздник для самых широких слоев счастья советской детворы, а не как утонченное развлечение для узенького круга буржуазных детей.

Пожалуй, первым опытом такой демократической, общественной елки следует признать горьковскую елку 900-х годов. Не потому ли тогдашняя «чуткая» ко всякого рода «социальным опасностям» царская администрация лишь скупясь сейчас, и то под давлением огромного уже тогда удельного веса и общественного авторитета личности А. М., разрешила эту невинную, на вид, детскую забаву и не потому ли, после двух-трех опытов, запретила ее, эту «елку для босыхов»?

Для подготовки праздника была мобилирована студенческая и вообще учащаяся молодежь, которая обходила кварталы, населенные беднотой, записывала детей на елку, раздавала особо нуждающимся собранные пожертвования — преимущественно носильные вещи. (Хотели сказать, многим детишкам иначе буквально не в чем было бы выйти на праздник). Не везде нежеланных посетителей встречали приветливо и радушно, — все-таки приходилось наталкиваться на невежливое, угрюмое отношение: обитатели этих трущоб не привыкли к какой бы то ни было заботе и вниманию к себе. Но после теплого восторженного слова дел обильно таял, и родители обещали прислать детей на елку к «Максиму Горькому».

Устроена была елка в манеже, А. М. усиленно хлопотал, руководил, давал указания. Пишущему эти строки пришлось, помнится, по поручению Екатерины Павловны Пешковой, спешно бежать в «сто-

*) Тов. Л. Кунин — старый нижегородец, сотрудничал в «Нижегородском листке». В 1900 году неоднократно сталкивался с А. М. Горьким. Ныне работает в Москве, в аппарате «Правда».

пои» за булавками, играемыми, как оказа-лось, в устройстве елки далеко не послед-ною ролью. Детишки, радостно возбужден-ные богатством впечатлений и полученны-ми подарками, весело шагали под звуки оркестра, разбившись на отряды. Во главе одного из отрядов шел сам Алексей Мак-симович, и гордые «горьковцы» с сознани-ем собственного превосходства поглядывали на остальных ребяташек...

Вспомню другое событие, связанное с публичным выступлением Горького в Нижнем-Новгороде: совещание «отцов и детей», устроенное во Ввссословном клубе с разрешения губернской администрации и посвященное вопросу о том, устраивать или не устраивать на другой день... поли-тическую демонстрацию. Выступивший с кратким словом А. М. сказал, что уже само по себе настоящее собрание является настоящим демонстрационным, что вряд ли сейчас ощущается надобность еще в ка-кой-либо демонстрации. Так и было реше-но, и предполагавшаяся на следующий день демонстрация была отменена.

Подробно об этом совещании рассказы-вает в своих воспоминаниях председа-тельствовавший на нем В. Десницкий: «Горь-кий нижегородских лет» — в сборнике «М. Горький», издание ГИЗ, 1928 г.).

Впервые пришлось мне быть на квар-тите у А. М. по делу об издании сборни-ка еврейской художественной литерату-ры в русских переводах. Горький чезвы-чайно заинтересовался этим делом и при его посредстве в «Нижегородском листке» было напечатано несколько таких перево-дов. А. М. ранее совершенно не был зна-ком с этой литературой и пришел в во-сторг от рассказа Шолам-Алейхема «Хану-кагель», изумительный юмор которого был им оценен в полной мере. Очень понрави-лись ему рассказы Л. Перетца. Он долго рассматривал принесенный ему мной од-нажды портрет Перетца и потом спросил:

— А почему бы ему не приехать сюда?

Я ответил, что Перетца в Нижний при-ехать не может.

— Почему?

— Он не имеет права жительства вне черты оседлости.

А. М. помолчал, глубокая складка легла на его лоб. И затем он тихо, но внятно и как-то раздельно произнес:

— Сво-ло-чи!

Жгучая ненависть слышалась в его го-лосе к тем, кому был адресован этот не-добрый эпитет, а вместе с тем глубокая боль, — как будто лично его оскорбили же-стоко и незаслуженно.

Перед моим отъездом в Москву (к нача-лу университетских занятий) я зашел к А. М. для получения инструкций по под-

готовке сборника. А. М. сказал, что не-медленно напишет мне в Москву по этому поводу письмо, а меня просил писать ему не на его имя, а на имя его жены. (Просьба по тем временам вполне есте-ственная: письма, адресованные подна-зодным и вообще «неблагонадежным», вскрывались и прочитывались в охранном отделении). И действительно, по приезде в Москву, я получил от А. М. следующее письмо:

«По делу об издании сборника идите к Описному Борисовичу Гольдовскому *), Пет-ровские линии, 2, и попросите его отвести вас к Владимиру Петровичу Потемкину **). Адрес Потемкина я забыл. Передайте им, что из Нижнего меня высылают. Где буду жить — пока не знаю. Должен о многом хлопотать и возиться с личными делами и возлагаю на них надежду, что они сле-дают все, что могут и сколько могут, для сборника».

Издание сборника, однако, не состоя-лось. В связи с лавчанинскими (тогда «пер-манентными») студенческими беспорядка-ми, произошедшими ближайше участни-ки сборника — студенты были арестованы и высланы в разные места Сибири.

Но и в далеком сибирском захолустье пишущему эти строки повезло: ввиду не-посредственно ощутить всю теплоту горь-ковской заботы о людях. Вскоре, по при-бытии на место ссылки — с. Верхнеострож-ное (иначе — Каменка), Балаганского уез-да, Иркутской губернии, — получаю письмо от знакомого нижегородца, в котором тот сообщает, что Алексей Максимович очень интересуется, как мы (высланные студен-ты) живем, в чем нуждаемся, не нужно ли нам книги и проч. Тронутые этим вни-манием, мы вместе с В. А. Радус-Зелько-вичем (впоследствии зам. наркома труда) составили небольшой список интересовав-ших нас книг. Через некоторое время приходят с почты наветские о получении на мое имя посылки. Придя на почту, я, при виде посылки, почувствовал, что оди-не не осмело, что для такой махины личной моей «трудолюбивости», любым образом не достаточно; не иначе — придется звать то-варяща на помощь.

Посылка состояла из целого ряда паке-тов внушительного вида и была куда больше «запроектированной» нами. Тут был и «Капитал» (I том), и «История» — Сенюбоса, и полное собрание сочинений Н. К. Михайловского, и чуть ли не все издания «Знания», и много других книг. К посылке была приложена сопроводи-тельная бумага: «Высылается по распоря-

*) Известный тогда адвокат.

**) Ныне помещен в Париже.

жению А. М. Пеплова».

Все эти книги были оставлены на «веч-ное поселение в Сибирь», послужив перво-начальным фондом для учрежденной нами на месте ссылки «библиотеки для по-литических ссыльных имени Горького».

Излишне обяснять, что учреждение библиотеки, да еще с таким наименовани-ем, не носило ни товарищеского, ни офи-циального, ни даже легального характера: начальство отнюдь не склонно было пота-кать подобным затеям.

По возвращении в Нижний, я отдал Алексею Максимовичу «рапорт» о судьбе присланных им книг.

Несколько слов о самом возвращении. Вернулись мы (студенты-нижегородцы — «сибиряки») 12 января 1903 года, то-есть в «Татьянин день». Ровесникам Ол-тьяном врал, что-нибудь говорит эта дата и это наименование. «Татьянин день» — традиционный университетский праздни-к дореволюционного студенчества, озна-меновывавшийся устройством банкетов, вечером с таянами, пением «Гаука-муса» *), «Дубинутки», весельем в раз-личных его формах — вплоть до беспашан-ных попойек и порою даже озорства. Во всем этом принимала оживленнейшее уча-стие не только студенческая молодежь, но и более солидные и почтенные предста-вители интеллигенции — адвокаты, врачи, ин-женеры — «старые студенты», забывавшие в этот день солидность своего возраста и общественного положения и старавшиеся не уступить молодежи в темпераментности и задоре.

Нижегородское студенчество (по сути: не студенты нижегородских высших учеб-ных заведений, — тогда в Нижнем не было еще ни одного вуза, — а съехавшиеся из университетских городов на праздники до-мой студенты-нижегородцы), — нижегород-ское студенчество устраивало ежегодно празднование «Татьянина дня» в помеще-нии Коммерческого клуба. Так было и на этот раз. И мы, «из дальних странствий возвратясь», попали если не «с корабля», то из вагона «на бал». Жалеть об этом нам, хотя и утомленным 9-дневным путе-шествием, не пришлось уже потому, что на вечере был Горький.

Рядом с Горьким — тоже с длинными волосами, тоже в черной «горьковской» блузе — шагал Скиталец. Тут же был мо-сковский гость, тогда уже знаменитый писатель, Левид Андреев, эффектный, бра-сивый, в синей полдевке. Он лихо танцовал на этом вечере, что производило впечатле-

*) Традиционная студенческая песня.

ИЗ ВСТРЕЧ С ГОРЬКИМ

какой-то плохо одетый человек.

— Вы—Горький?—спросил вошедший.

— Да, я. А в чем дело?

окончание, смотри 3 стр.

не какой-то дисгармония с жутью и фатальной обреченностью, которыми были то отгаза насыщены его рассказы.

Сидящий также не оставался лишь «побитым», пассивным посетителем вечера. Он оказался одним из наиболее,—выражаясь языком конферансье,—интересных номеров программы: шел громовым басом, под собственный аккомпанемент на гуслях знаменитую «Из-за острова на стрежень» и другие песни и имел большой успех.

Но основное внимание было, разумеется, сосредоточено на Горьком. Как и всюду, где он бывал, и здесь чувствовалась «горьковская атмосфера». Но сам Алексей Максимович куда-то исчез. И вот, проходя какими-то извилистыми коридорами, я неожиданно попал в небольшую комнату, где в обычные дни завсегдатаи клуба, по-видимому, сражались в преферанс и другие почтенные игры: там стояли карточные столы. Вокруг одного такого столика сгрущивалась кучка молодежи. Я из любопытства подошел поближе и в центре увидел Алексея Максимовича. Он что-то оживленно рассказывал, а «аудитория» слушала его с затанцованным дыханием. Я присел—и тоже заслушался. Он говорил с присутщим только ему одному умельем (пероявившимся преимущественно в до-мальной, интимной обстановке, в небольшом кругу слушателей,—публичных выступлений А. М. не любил и избегал). Я уже упоминал о его исключительных качествах собеседника—юмор, сарказм, сочетавшиеся с огромной углубленностью,—в описании бабешского вечера. Добавлю к этому лишь несколько слов о своеобразной особенности его «речевой стилистики». Простая, внешне грубоватая, выпященная порой резкими,—чтобы не сказать предельными,—выражениями, когда дело шло о людях и явлениях, ему неизвестных, его речь расцветалась тончайшими нюансами, изысканно-литературными оборотами, когда в этом представлялась необходимость. «Окающий» «визжающий» пеховой» (официальное его тогдашнее звание, оправданное разве что его простым в повсеместном быту стилем) сочетался в нем с подлинным аристократизмом мысли и слова, оставлявшим далеко «за облаком» официальных аристократов

представителей тогдашнего «высшего общества».

На утро после «Татьяна для», согласно переданному мне желанию А. М. повидать «сибиряка», я отправился к нему. Встретил он меня очень приветливо, с большим интересом расспрашивал о нашем «там» житье-бытье. Видно было, что он счастлив, сравнительно благополучным («амнистия») исходом этой, наделавшей шуму, студенческой «истории».

В этот период пришлось мне по различным поводам бывать у А. М., а также встречать его «на людях».

Как-то студенческой компанией встречали мы новый год. Обещал прийти Горький. Но наступил уже «следующий» год, а его нет. Решили,—раздумал. По он пришел, заявив в оправдание:

— Встречаю сегодня новый год вторично. Сейчас я от «княгини Марьи Алексеевны».

Поя прибавочной «княгиней» он назвал интеллигентное «приличное общество», куда затащили его для встречи.

С появлением А. М. атмосфера сразу похлябала, и видно было по его оживленному лицу, что ему куда интереснее и приятнее провести время с молодежью, чем с перемонной и фешенебельной «Марьей Алексеевной», свихнувшейся к талантливому «босаю» и вместе с тем лебезившей перед его окруженным громкой славой именем.

Вспоминаю эпизод, характеризующий отношение Горького к людям в трудную минуту их жизни. Заболел в знакомой семье донора. Врачи определяли туберкулез. Необходим Крым. Средств нет. К кому обратиться? Конечно, к Горькому. По настоянию семьи больного пришлось мне пойти к А. М. с просьбой о содействии.

Не успел я изложить обстоятельства дела, как Алексей Максимович сказал:

— Пошло телеграмму заведующему санаторией. Мой хороший знакомый. Полагало дело выгодней.

Дело действительно «выгорело», но оказалось, к некоторому моему конфузу и к большой радости семьи больного, что врач ошибился, приняв за туберкулез несерьезное простудное заболевание. Пришлось снова идти к А. М.—на этот раз извиниться. Когда я уходил от него, раздался звонок. А. М. открыл дверь. Вошел

Человек внезапно опустил на колени. Алексей Максимович от неожиданности растерялся и попытался к стене. Я ушел, так и не узнав, какова была развязка этой странной сцены. Но ясным и несомненным в этом эпизоде было одно,—что он был связан с широкой популярностью Горького не только как прославленного писателя, но и как доброго и отзывчивого человека.—в тогдашнем Нижнем, пожалуй, единственного,—к которому можно было пойти с просьбой о помощи, не рискуя встретить с его стороны холодное, безучастное отношение или взаимность, служившую «защитным цветом» для «сильных мира сего».

Насколько велика уже тогда была популярность Горького среди самых широких кругов населения, зачастую не имевших даже отдаленного отношения или интереса к литературе, может свидетельствовать следующий забавный эпизод. Три местных средней руки коммерсанта, мясные, почтенные обыватели, ни в каком «будничестве» и прочим глянцатам глядящих революций никакого отношения, кроме скептического, не имевшие, встретив как-то по дороге с биржи Горького, по какому-то молчаливому соглашению свалили шляпы и почтительно приветствовали его. А. М., ни с одним из них лично не знакомый, был несколько смущен этим проявлением симпатии и уважения со стороны неизвестных ему людей, но, разумеется, корректнейшим образом ответил на приветствие.

Хочется здесь вспомнить еще об одной встрече моей с А. М., своеобразной хотя бы уже тем, что сам А. М. о ней и не подозревал. Как-то был я привлечен к участию в печатании на гектографе одной листовки. Мне пришлось переписывать гектографическими чернилами и, разумеется, печатными буквами с подлинника. Лишь взглянув на первые строки оригинала, я не спрашивая товарищей, сразу определил—по очень характерному, с наклоном слева направо и с отдельно поставленными буквами, почерку—автора рукописи. Прокламация называлась, кажется, «Об обществу». Автором был Алексей Максимович.

По окончании работы мне пришлось, без боли душевной, тут же на месте, вычтывать горьковский подлинник. А какую бы ценность представил он хотя бы для

дуплированного отдела Ленинской библиотеки или Института мировой литературы имени Горького!..

А вот еще одна, но уже «живая», версия—две встречи в один день. Иду утром по Большой Покровке, центральной улице Нижнего-Новгорода (теперь улица Свердлова), навстречу мне идет А. М., помнится, со Скитальцем, останавливаю А. М. и весьма повышенным голосом сообщаю, что получен свежий номер «Искры». Сговорившись с А. М., что вечером я занесу к нему на квартиру, часов в семь звоню у парадного входа. Открывает дверь сам А. М. В просторной столовой уютно, никого посторонних нет. Вручаю «литературу», которую А. М. тут же бережно прячет в ящик стола. Во время беседы А. М. спросил, читал ли я в последней книжке журнала (какого именно—сейчас не вспомню) рассказ молодого писателя Семена Юшкевича «Человек». О рассказе А. М. отзывался одобрительно и, видимо, был заинтересован личностью автора. Как известно, Горький впоследствии привлек С. Юшкевича к участию в сборниках «Знания».

Как-то зимним вечером был я в гостях у знакомых — Израилевичей. Я уже собирался уходить, как раздался звонок, и в комнату вошел Скиталец, а вслед за ним—Горький. Они пришли, как оказалось, проведать хорошо с ними знакомому хозяинку дома и предложить прогуляться. Заметив на столе книжку «Журнала для всех», А. М. шутливо воскликнул:

— Что это вы такие популярные журналы читаете!

Кстати будет заметить, что Горький, наряду с Чеховым, был наиболее рьяным сторонником участия писателей «с именем» (которое широко открывало им две-

ри фекции) «толстых», с небольшим тиражом, но с хорошим тонораром, журналов) в массовых, популярных журналах, каким и был тогда «Журнал для всех». Он вообще охотно рекомендовал этот журнал вниманию шпунтлей братии.

Позволю себе привести здесь строки из письма, полученного мной от А. М. в 1910 году с Капри в ответ на посылку ему стихотворных переводов. В этом письме он упоминает о «Новом журнале для всех» (видоизмененное название «Журнала для всех» после полетейского запрещения). Это письмо настолько характерно для Горького, что приведу его целиком:

«Уважаемый Л. М.!

Вывожат перед вами. Пакет ваш случайно был засунут мною в кучу прочитанных фрунцезей, где и пробыл до сего дня. Небрежность непростительная; этого вообще никогда не бывает со мной. Прошу извинения.

Переводы ваши кажутся мне удачными. Есть музыкальность. Нальшо уменье выдлет стихом. Словозь русский язык чувствуется темперамент автора. Это редко встречаешь в переводах.

Такие стихи, как «Мя», напоминают Сологуба. Мяю кажется, что от этого человека следует держаться в стороне.

Могу рекомендовать вам только «Новый журнал для всех». Обратитесь на имя редактора Берлина. Это единственное место, где я имею знакомого.

«Знание» больше не станет печатать стихотворных переводов.

Желаю успеха. Спасибо вам за память.

А. Пешков».

Здесь, в этом письме, характерна щепетильнейшая заботливость о нарушенных интересах корреспондента, и «единственное (!) место», где он, тогда уже писатель чуть не с мировым именем, «имеет знакомого», и дружеский совет «держаться в стороне» от личности и уподобления Сологуба, который, естественно, не мог импонировать тому, кто пишет в жизни не Передвиных, а таких людей, о которых хочется сказать: «Человек—это звучит гордо».

Вернусь на несколько лет назад—к последней нижегородской встрече с А. М. Это было на вокзале. Я уезжал за границу продолжать прерванный увольнением из университета ученье. На перроне я увидел Алексея Максимовича с кем-то из его знакомых. А. М., осведомившись, куда я еду, извлек из кармана запечатанный конверт и просил лично отвезти и передать нашей общей знакомой в Лейпциге, добавив, что он рад представившемуся удобному случаю, так как отсылка письма почтой—дело менее надежное и менее желательное.

Он очень тепло простился со мной, но потом оказалось, что он едет в том же поезде и даже в том же вагоне.

Уже находясь в купе 2 класса, я услышал знакомый голос за дверью и другой голос, очевидно, его спутника: «Не беспокойтесь, Алексей Максимович, для вас место найдется». Утром, выйдя из вагона на московском вокзале, я заметил промелькнувшую высокую фигуру в черной мягкой шляпке. Это было в конце 1903 года.